

Дух времени, Православная Церковь и ее миссия в наше время

Письмо Триадицкого епископа Фотия

болгарскому православному священнику

Дорогой отец Н.

Милость Божия да будет с Вами!

Прежде всего я бы хотел поблагодарить Вас за добрые слова и прекрасные пожелания в Вашем письме от 1 марта с. г., а затем я постараюсь ответить на вашу просьбу поделиться своими взглядами о миссии Церкви в наше время.

Позвольте мне начать с мысли из упомянутого Вашего письма ко мне:

Я понимаю, что вопрос о церковном календаре – это вопрос, который серьезно Вас касается и в котором Вы несомненно компетентны в максимально возможной степени. Для такого разговора необходим особый настрой в Церкви, как и уровень знаний. Мы же все еще ведем борьбу за самосохранение, а когда стремишься к общему, пропускаешь отдельные детали. Между тем, мы не должны забывать об огромной необходимости миссии, обращенной к современному человеку.

Вопрос о нашем самосохранении в Церкви – это вопрос не только о нашем самосохранении в горизонтальном измерении, т.е. о физическом и социальном сохранении Церкви как институции, причем любой ценой. Такой взгляд, такое подчеркнuto эмпирическое понимание сохранения Церкви интенсивно формировалось у нас в годы коммунистической диктатуры. В России, в условиях чудовищного по своей жестокости гонения на верующих практическое применение такого понимания сохранения Церкви было отвергнуто большинством новомучеников и исповедников Православной веры и получило название сергианства. Такой тип мировоззрения, такой взгляд на сохранение Церкви Христовой (не только в условиях гонений, но и в условиях деструктивных в духовном отношении процессов внутри и вне ее) предполагает, что первичной, плотной, осязаемой реальностью Церкви является прежде всего церковная институция, зримая структура Церкви как общественного организма в измерениях его физического и социального функционирования. Организм, при таком понимании собственной сущности, неизбежно начинает бороться за выживание прежде всего в русле законов и логики мира сего путем приспособления и компромиссов, которые в конечном итоге могут обеспечить его физическое и социальное сохранение, но в то же самое время привести его в состояние глубокого противоречия с сущностью Церкви как Богочеловеческого организма. При такой точке зрения на сохранение Церкви главная реальность (небесно-земная Церковь как Тело Христово, в которой мы можем сохранить себя в качестве живых членов исключительно верой, в духе и истине и по отношению к которой институциональная структура – это лишь внешнее проявление) превращается в „идею”, в „идеал”, в нечто возвышенное, на словах как будто желанное, но абстрактное и в конечном итоге *условное* по отношению к реальности институции, эмпирическому общественному организму как массивному церковному телу, которое, однако, теряет свой подлинный церковный дух. Таким образом в нашем понимании борьбы за самосохранение общее и отдельные

детали предстают по-разному. Для нас общим, основным, определяющим является *духовная подлинность Предания, учения и обычаев в Церкви*. Приобщение к этой духовной достоверности и полноте Предания для нас является главным условием нашего самосохранения как членов Церкви, Тела Христова. В этом контексте и церковный календарь (или точнее – календарно-пасхалическая система Великого Индиктиона) как выразитель литургического единства Церкви с VI в. до наших дней является неотъемлемой частью церковного предания, а не какой-то несущественной, механически отделяемой деталью. И именно в силу этого своего качества календарь не нужно ни недооценивать, ни возводить в неправоммерно преувеличенный и самодостаточный критерий „православности”.

Вы пишете:

Эти слова: „Идите и научите ... „ и их исполнение будит нашу тревогу, как и то, что нет истинных работников на ниве. Отсутствие испытанной и утвержденной системы работы препятствует миссии. Дело не в том, что у нас нет опыта в этом направлении, но определенно мы далеко от своего времени и современных потребностей людей. Поскольку я впечатлен тем, что Вы сделали до сегодняшнего дня, я бы хотел, чтобы Вы, когда у Вас будет время и желание, поделились Вашими мыслями и идеями о церковной миссии, не ради меня лично, а как современный церковный архиерей. Вижу, что я не могу избежать слова „современный”, но ведь Господь велел нам жить и служить Ему в это время.

Поскольку тема церковной миссии в наше время исключительно широка и многогранна, я попытаюсь остановиться на ее отдельных аспектах, включительно и на моментах нашего, соразмерного с нашими скромными силами, опыта в этом направлении, причем, естественно, рискую предложить Вам в некотором смысле схематичное, тезисное изложение, при котором могу упустить именно те стороны или проблемы миссии, которые представляют особый интерес для Вас. Однако, я думаю, что такие пропуски можно было бы восполнить

впоследствии, если Вы почтете необходимым продолжить наш диалог на эту тему.

1) Вы считаете, что в своем старании исполнить заповедь Спасителя: „Идите и научите ...” мы далеко от своего времени и от современных потребностей людей. Понимаю Вас. В сущности Вы ставите исключительно важный, по моему мнению, вопрос о трудной, небезопасной, но неизбежной встрече истинного духовного Предания Церкви с интеллектуально-культурными явлениями нашего времени. Впрочем, что мы подразумеваем под понятиями „время”, „современность”, „дух времени” и отсюда – под словосочетаниями „современный человек”, „потребности современного человека” и т.д.?

Попытаюсь вкратце порассуждать о понятии „дух времени”. Позвольте мне начать с мысли покойного иеромонаха Серафима (Роуза): „Чем больше человек знает о духе времени, тем легче может остаться православным христианином в такое время, как наше”. Что мы понимаем под „духом времени”?

В целой гамме философских и культурологических определений содержание этой метафоры или этого понятия (это зависит от точки зрения) сводится вообще говоря к системе факторов, которые в той или иной степени обуславливают, детерминируют наше познание, наши ценностные ориентиры и поведение и в свою очередь сами зависят от актуальной человеческой деятельности. Эти факторы воспринимаются как сложная фоновая мозаика из мировоззренческих и частнонаучных мнений и допущений о мире, как и из ценностных ориентиров; все они функционируют как матрица восприятий, оценок и действий.

По *Гегелю* „дух времени” (*Zeitgeist*) – это развертывающийся в истории объективный дух, который проявляется во всех отдельных явлениях данной эпохи; совокупность идей, характерных для известного периода. *Гегель* рассматривает дух времени как преобладающую духовную сторону эпохи, т.е. как интеллектуально-ценностную доминанту: „Если какая-либо сторона выделится более всего, завладеет массами и восторжествует над ними так, что противоположная сторона отходит на задний план и затемняется, то такой перевес

называется духом времени, который определяет сущность данного промежутка времени”. А вот одно современное понимание „духа времени” в популярной формулировке: „Дух времени – это ... реальное явление, которое так или иначе определяет мышление и поведение людей, живущих в данное время. Оно охватывает всех людей и становится нормой для их мышления и поведения. Конечно, оно проявляется в различной мере и различными способами”.

И еще одно определение с подчеркнуто теоретико-познавательной направленностью, в котором „дух времени” понимается как „матричные схемы для теоретических построений, инвариантных по отношению к определенному кругу теорий; совокупность специфических мировоззренческих конструкций, интеллектуальных мотивов и концептуальных средств для постановки проблем и их решений”. Но насколько выше кабинетно-стерильного, классически абстрактного или даже „сверхконцептуального” понимания „духа времени” экзистенциальное, духовно-интеллектуальное проникновение *архим. Иустина (Поповича)*:

„В нашей хаотичной современности одно божество все более подавляет другие божества, все непреодолимее выставляет себя как единственного бога, все безмилостнее мучает своих поклонников. Это божество – дух времени. Ему днем и ночью кланяются измученные жители Европы, приносят ему в жертву свою совесть, душу, жизнь, сердце ... Их бог – дух времени – слишком многоликий, составленный из самых разнородных элементов. Он содержит в себе все противоречия современной жизни – культуру и цивилизацию, философию и науку, католицизм и протестантизм. Содержит в себе весь трагизм и весь комизм жизни, такой, какая она есть. И человек, живя по духу времени, скитается как неприкаянный по пропастям всех этих непримиримых противоречий. А самое страшное, что это систематически организованный бунт против человеческой личности. Дух времени препятствует личности своей самовластной тиранией, механизмирует ее: ты – винтик в шумной машине современности – живи как винтик; ты – клавиша в расстоенной клавиатуре

нынешности, на которой бренчит дух времени – живи как клавиша. Детерминизм, который выгибается в фатализм – главнейшее средство, с помощью которого царит дух времени: все зависит от среды, от окружения, а не от личного подвига; все, что ты делаешь, делаешь не ты, а среда через тебя; совершишь ли зло, не ты грешен, а среда, где ты обитаешь. Но все это, переведенное на язык славянской искренности, гласит: „Все позволено – позволены все пороки, все злодеяния, все преступления, все грехи, ибо все, что происходит, происходит по неотменимым законам необходимости.”

А в наше время, на рубеже двух тысячелетий, дух времени уже не механизмирует, а изо всех сил старается разложить человеческую личность во имя ее свободы, сегодня антипринцип „все позволено” обосновывается не необходимостью, а свободой и правами человеческой личности; сегодня дух времени содержит в себе не только трагизм и комизм жизни, но представляет само ее содержание исчерпанным и неистово устремляется искать стихию жизни в абсурде и распаде. Современные гуманисты разделяют восприятие *кризисного состояния самого человеческого бытия* после урагана постмодернизма, который считается самым ярким выразителем духа времени в конце XX века.

Совсем кратко *постмодернизм* может быть описан как умонастроение, как интеллектуальный стиль, как тип философского мышления, как своеобразная „сверхрефлексивная” концепция культурных явлений второй половины прошлого века. А эти явления отличаются бурным размыванием границ между формами культурной деятельности, с тенденцией к синкретическому объединению искусства с наукой, философией и религией на новом мировоззренческом уровне, отказом от классических и неклассических традиций в философском мышлении, нигилистическим бунтом против идеологических концептов и против традиционных ценностей; эти явления отличаются также повсеместным релятивизмом и радикальным ценностным плюрализмом. Как тип умонастроения и интеллектуальный стиль,

как интеллектуально-творческий заряд постмодернизм в самой высокой степени пробуждает интеллектуально-игровые, рефлексивные, деструктивные инвенции, стремясь вытеснить из мыслительно-ценностной мотивации творческого процесса смыслообразующие, религиозные, этические, эстетические, конструктивные начала. В этом смысле теоретики постмодернизма совсем положительно воспринимают потерю устойчивых ценностных ориентиров. „Вечные ценности” объявлены тоталитарными и параноичными идеями фикс, которые тормозят осуществление творческого замысла.

Идеал постмодернистов – хаос, названный *Жилем Делезом (Gilles Deleuze)* (1925 – 1995) хаосмосом и понимаемый как изначальное отсутствие порядка, как состояние неподавленных возможностей. Постмодернисты видят в мире два основных начала – шизоидное начало творческого формирования и развития и параноичное начало сковывающего удушливого порядка (с точки зрения постмодернизма всякое подобие порядка нуждается в немедленном разрушении, т.е. оно должно быть освобождено от смысла, для чего его следует разложить на отдельные базовые идеологемные понятия, которыми пронизана вся культура). Отсюда - образ хаотичного и сверхсложного мира как отправной момент в современном искусстве. Онтологическое (или точнее – де-онтологическое) измерение постмодернизма можно наиболее кратко обозначить как кризис метафизического мышления, как распад целостной картины мира. Эпистемиологическо-ценностная парадигма постмодернизма включает в себя такие основополагающие понятия, как „сверхрефлексия”, „агностицизм”, „нигилизм (цинизм)”, „тотальный релятивизм”, „игра”, „смех (ирония, сарказм)”. Может быть следующая мысль *Жана Бодрийяра (Jean Baudrillard)* (1929 – 2007) улавливает скрытую скользкую сущность патологически сложного постмодернистического этоса: **„имманентная сила соблазна отвратить, отклонить все и всех от истины и вернуть их в игру, в чистую игру видимостей (к. м. – ep. Ф.)”**. Эта мефистофельская „имманентная сила соблазна” в сущности является стремлением превратить само человеческое существование в сюрреа-

листический кошмар, сведя его к стихии безусловной свободы быть таким, как хочешь; к стихии, которая рождаёт „свободу” от истины, рождаёт „свободу” от самой человечности человека, рождаёт „свободу” погрузиться в бездну подчеловека с его разнузданными желаниями и нагонами, эвфемистично называемыми „возможностями”; именно эта стихия „безусловной свободы” призывает к неограниченному потреблению все новых и новых „благ” и наслаждений здесь и сейчас ... Вот среди каких проявлений духа времени, описанных кратко, как в словарной статье, мы призваны быть истинными православными христианами, быть живыми членами богочеловеческого тела Церкви Христовой.

Дух времени особенно агрессивен к Церкви, ибо Церковь – вечно-временная, она является единственным видимым онтологическим носителем вечности во времени, через Церковь вечность присутствует во времени, и опять же – только Церковь преобразует время и вводит его в вечность. А дух нынешнего времени в своих сущностных проявлениях неистово ненавидит вечность, ненавидит истину, издевается над ней, отравляет соблазном с целью все и всех отвратить, отклонить от нее. И именно поэтому Церковь не должна подчиняться времени.

В сущности в своем бытии как Тело Христово, как богочеловеческий организм, Церковь неподвластна детерминистическим законам духа времени – они могут лишь сильно ее стеснять, но не могут ее подчинить. В этом смысле Церковь может быть терзаема, распинаема, мучема, подменяема, но не может быть побеждена и уничтожена. Но для каждого из нас решающее значение имеет наше место, наше участие в крестовоскресном подвиге Церкви. А крестовоскресный подвиг Церкви включает в себя и ее миссию, ее благовестие о Христе, о полноте истины и благодати, которую она носит в своих недрах. По моему мнению эта миссия не должна подчиняться некоему казалось бы эффективному, но слишком размытому горизонтальному измерению, скажем, в смысле какого-либо общего фронта с традиционалистично мыслящими людьми из светской или религиозной среды с различной идейной и религиозной

ориентацией, с целью противостояния постмодернизму в интеллектуальном плане. Сила церковной миссии, церковного свидетельства в наши дни, по-моему, зависит от нашей готовности приобщиться в духовно-нравственном и интеллектуальном плане к живому Преданию Церкви, стать по мере наших сил его истинными носителями и суметь довести его до ума, сердца и совести желающих слышать.

2) Бесспорно, что миссия Церкви в принципе приводит к неизбежной и, я бы сказал, небезопасной встрече духовного предания с интеллектуально-культурными явлениями и тенденциями данной эпохи. Это с одной стороны. С другой стороны далеко небесконфликтны отношения между духовным преданием и интеллектуальной традицией (я бы так назвал богословскую и философскую рефлексию) внутри самой Церкви. В качестве пояснения последней мысли я позволю себе привести часть моей проповеди после освящения библиотеки при нашем Кафедральном храме (В честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Софии – прим. ред.) (2000 г.):

„При встрече интеллектуального и духовного предания Церкви существует очень серьезная опасность, которая сопровождала развитие христианской мысли еще с глубокой древности. Это опасность непропорционального интеллектуализирования духовного предания. Это явление мы впервые встречаем у Оригена. В своем стремлении выразить истины христианства языком эллинского категориального мышления Ориген доходит до неправомыслия и в конечном итоге до ереси; это гениальный, но в то же время трагический пример интеллектуализирования духовного предания в направлении языческого мышления, языческой культуры. Противоположный пример – одухотворения эллинского интеллектуального наследия – мы встречаем у отцов каппадокийцев – св. Василия Великого, св. Григория Богослова и св. Григория Нисского. Им удается совершить воистину титанический подвиг, светоносно преображая всю систему эллинского категориального мышления благодатью, силой и духом духовного предания Церкви. То же самое Церковь совершала в продолжение всего прошедшего уже двухтысячного периода своей истории. Это борьба. Борьба за одухотво-

рение человеческой мысли, за ее благодатное наполнение. В сущности, для того, чтобы приобщиться к интеллектуальному преданию Церкви, нужно иметь простоту св. Павла Препростого и св. Спиридона. Зачем она нужна? Затем, что чтение святоотеческой литературы - это подвиг, вид подвижничества. Не случайно монахи должны молиться, работать и читать, следовательно чтение – это вид духовного труда и подвижничества. Очень важно осознать это. И нужно сказать, что это исключительно трудный вид подвижничества. Почему? Потому что когда человек читает святоотеческие тексты, когда приобщается к благодатному опыту отцов, к их благодатной мысли, когда общается через текст с их христоликой личностью, он должен упражняться в непрерывной аскезе отречения от собственных мыслей, оценок, взглядов, пониманий текста, которые возникают как результат всей его предыдущей жизни вне Церкви, вне Христа. Это безусловно необходимо для того, чтобы мы могли приобщиться истинно, сущностно к мысли, духу, это-су свв. Отцов. В сущности, почему появляется так много искажений в нашей личной духовной жизни, в наших взглядах и пониманиях? Потому, что мы иногда даже незаметно наслаиваем, встраиваем в тексты, которые воспринимаем, наши собственные представления, мыслительные привычки, привычки оценивать, которые в сущности чужды духовному и интеллектуальному преданию Церкви.”

3) Несомненна трудность внимательно идти узким царским путем, очерченным свв. отцами, который минует ямы и пропасти как справа, так и слева. Речь идет как о жизни в Церкви, так и о ее миссии как одной из проявлений церковной жизни. Нет числа примерам как крайнего, всецело пассивного, охранительного консерватизма, который может привести к вырождению православного церковного сознания в направлении к сектантству, так и разноликой либеральной широты, которая под предлогом адекватного диалога с современностью обмирщает, размывает и в конечном итоге перекодирует церковное сознание в некий вид его противоположности. К тому же наша болгарская безответственность, грубоватый прагматизм, выхолощенная церковно-патриотическая риторика, церковное политиканство, традиционная ориентальская сервильность пе-

ред сильными мира сего, обывательщина, полупрIMITивная, а нередко и полуязыческая ритуальность в церковной жизни являются печальным явлением, которому, возможно, следует отводить особое место при каждой попытке классификации явлений из жизни Православной Церкви (я делаю эту обобщающую оценку с болью и сознанием, что она далеко безусловна, но что она, увы, отражает доминирующие тенденции в целостной церковной жизни у нас). По моему мнению сохранение духовного целомудрия, стремление к пребыванию в чистоте и полноте Предания в духе и истине, наряду с искренним, открытым, доброжелательным, святоевангельским отношением к людям должно быть нашей исходной духовно-интеллектуальной позицией в нашей работе в качестве церковных миссионеров сегодня.

4) Позвольте мне откровенно заявить, что для меня в принципе неприемливо современное „перезаформатирование” Православия в новообновленческую точку зрения на миссию Православной Церкви сегодня – точку зрения, отстаиваемую такими во всяком случае талантливыми личностями, как протоиерей Александр Мень, священник Георгий Чистяков, священник Георгий Кочетков, архимандрит Сергей (Рыбко) в России и другими иерархами, священнослужителями и богословами в православном мире. Впрочем, период с 1965 г. до наших дней показал бесплодие пресловутого римокатолического „аджорнаменто” – воспринятого Вторым Ватиканским собором принципа осовременения церковной жизни и церковной миссии. За прошедшие более чем 40 лет Рим статистически потерял и продолжает терять немалое количество своих приверженников, несмотря на попытки приспособить многие формы церковной жизни и церковной миссии к духу и вкусам современности. У меня был повод лично убедиться в этом при посещении столицы Баварии – Мюнхена точно в дни западного Рождества в 1994 г. Праздник был на улице, а не в храмах. Это другой вопрос, что из покосившейся избы церковной жизни в нашем многострадальном Отечестве некоторые церковно-общественные, миссионерские, благотворительные и пастырские аспекты из жизни

Римской церкви воспринимаются как престижный образец для современного церковного строительства.

5) В чем состоит миссионерская деятельность (если вообще можно назвать так нашу скромную работу в этом направлении) нашей маленькой Церкви? Вряд ли нужно пояснять, что эта деятельность обусловлена нашими совсем небольшими возможностями. Мы не располагаем духовно-интеллектуальными и материальными ресурсами для более масштабной миссионерской деятельности, у нас даже нет курсов подготовки священнослужителей, но мы, насколько можем, работаем в следующих основных направлениях:

- Работа с паствой: регулярное, добросовестное совершение богослужений; чтение (вместо т. наз „духовного концерта“) после запричастного и проповедь в конце св. литургии. Особенное внимание мы стремимся уделять живой связи священника с прихожанами. Наша цель – организовать приход как духовную семью, насколько это возможно в наших условиях. Священники (за небольшими исключениями) поддерживают активную связь со мной, советуются, делятся проблемами, почти все исповедуются у меня, а один из них является моим духовником. Наше общение братское, открытое, созидательное, за что я благодарен Господу.

- Катехизаторская деятельность: у нас таинства Крещение и Брак совершаются после предварительной катехизации, которая отнимает немало сил и времени у священников. Если крещается младенец, катехизическая беседа проводится с родителями или с воспитателем. При Кафедральном храме в Софии, как Вам известно, существует воскресная школа для детей (I группа) и для юношей и девушек (II группа).

- С помощью сестер Княжевского Монастыря Покрова Пресвятой Богородицы мы осуществляем издательскую деятельность, которая, однако, в последние годы сталкивается с разного рода трудностями и значительно ослабела. Мы издаем журнал „Православно слово“, труды покойного архимандрита Серафима (Алексиева) и другие книги духовно-нравственного содержания. Один из монахов, живущих в архиерейском доме,

полностью осуществляет работу по поддержанию нашей официальной страницы в интернете (<http://bulgarian-orthodox-church.org>), которой предполагается стать главным форумом нашей миссионерской деятельности.

- Другим направлением наших усилий в миссионерской деятельности является составление богослужебных текстов (служб, акафистов), перевод библейских и богослужебных текстов на болгарский литературный язык (исключительно ответственная задача, для систематического выполнения которой нужен целый коллектив сотрудников, а пока нас только двое. В настоящий момент мы работаем над переводом Псалтири по тексту 70-ти толковников (с церковно-славянского языка – прим. ред.), Великого Канона св. Андрея Критского, и др.); богослужебного прославления святых: свв. Китайских новомучеников (их богослужебное чествование было возобновлено Русской Зарубежной Церковью в 1997 г. по составленной нами службе), свт. Виссариона Смолянского (1999 г.), свт. Серафима, архиепископа Богучарского, Софийского чудотворца (2002 г.), свв. Батакских новомучеников (2006 г.).

На этом я заканчиваю мое изложение. Если у Вас будут уточняющие или какие-либо другие вопросы по данной теме, прошу Вас, задайте их, и я постараюсь по мере сил ответить на них.

Да укрепляет Вас Господь!
Ваш смиренный молитвенник

† епископ Фотий